

УДК: 167

Лариса КИЯЩЕНКО

ИДЕЯ ТРАНСВЕРСУМА – СРЕДА ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛА В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ ОПЫТЕ

В статье предпринята попытка через рассмотрение трансдисциплинарного опыта, ориентированного рекурсивной рефлексией, представить идею трансверсума через концептуальный ряд: универсума, поливерсума, трансверсума, трансверсалии, трансинтервала. В этом аспекте предлагается типология интервального подхода как средства постановки и решения проблем, связанных с ситуацией самонастраивающейся меры трансверсума, универсальной конкретности концепта меры в биомедицине и этике. Предлагается версия толкования истории становления биоэтики с точки зрения трансинтервального подхода.

Ключевые слова: трансдисциплинарный опыт, трансверсум, трансинтервал, становление смысла, рекурсивная рефлексия, биоэтика, философия биологии и медицины.

Рекурсивная рефлексия как путь постановки проблемы. Мысль совершается всегда с середины — будучи уже включена и погружена в сказанное ранее и застигнута врасплох вопросом из будущего, вставшим впереди поперек традицией намеченного пути. Время не просто проходит, но оплот(ь)няется в нашем индивидуальном и совместном опыте так, что сказанное ранее и предуготованное к тому, чтобы быть высказанным сейчас, звучит не само по себе, а из контекста темпорально развернутой, постоянно становящейся иной, преодолевающей плот(ь)-ность сопротивления реальности, которая только предугадывается будущим из-за спины прошлого.

В моем тексте много цитат из ранее опубликованных текстов и материалов состоявшихся выступлений. Они, «вцепившись в воздух» сегодняшней мысли не умолкают, а продолжают звучать как «цикады» в новых спорах, давая ответы «здесь и сейчас» на вопросы во время их написания непредусмотренные... Примерим эту ситуацию к теме нашей статьи.

Мы постоянно размышляем и пытаемся понять опыт познания в науках о жизни через опыт самой жизни, который высматривает себя во множестве частных практик и частных ситуациях, включая и дисциплинарное знание. Пытаемся воспринять мир в целом (*универсум*) как он есть перед нами, в нашей жизни. Выдвигаем теоретические предпо-

ложения и предлагаем их обоснование. Ставим тем самым себя в позицию классического субъекта, предлагаем свои понятия (как *универсалии*) для осмысления и теоретического построения некоторого предполагаемого *целостного* взгляда на мир, «охранной грамоты» на сохранность и устойчивость существования в способах его представления. Пусть даже лишь потенциально целостного — как предела тех частных рассуждений, которые озвучиваются или публикуются.

Но вот проходит время. Не где-то в стороне, а через нас, через наши жизни, наши слова и поступки, которые порой вне нашей воли или желаний меняют свой смысл. Либо само собой (рефлексивно) обнаруживают ранее не проявленные аллюзии, либо приобретают их за счет изменения в языковой среде и практиках использования. Поэтому, мысль, пытавшаяся в понятии ухватить смысл *уни-версума* (или фрагмента, его представляющего) и выразить в опубликованном слове, на самом деле производит *поли-версум*. *Не одно единое, а множество единств* в потоке их изменения-становления. Производит только постольку, поскольку погружена во временной поток, в котором любая попытка повторить тождественное с уже бывшим ошибается (конвариантно), рекурсивно повторяет саму себя, но с различием, лишь аналогично. Поэтому понятия (универсалии), чтобы быть понятыми, понятными самому себе и, желательно, другому, должны приобрести статус *концептов*, семантика которых (в стиле неклассики) определяется особенностями погруженности пишущего или читающего в конкретный контекст «здесь-теперь» жизненного мира. Поли-версум, хотим мы этого или не хотим, фундируется био-концепто-графически, обращением к самому себе. При этом меняется не только понимание жизни как предмета науки, я сама как субъект размышления меняюсь, причем, изменения в обоих случаях могут происходить одновременно, проецируя их друг на друга, а могут и с различной, асинхронной динамикой ускорения или торможения с соответствующими смещениями в представлении, порождая множественность единств (Киященко, Моисеев, 2009). Становление, во всяком случае, происходит с учетом прошлого опыта, его отслеживание в актах рекурсивной рефлексии, опирающейся на *репродуктивное воображение* — множится виртуальными возможностями представлений о самой себе и предмете жизни в различных его формах с учетом контекстного, контингентного согласия с коммуникативным сообществом. Это антропологическое последствие нашей общей погруженности во время, в потоки становления оборачивается или, скажем, разворачивает нас к необходимости иметь дело с многоместными параметрами порядка в субъектной и объектной реальностях, к заботе их сопряжения (Киященко, 2013: 278-192).

Однако, поскольку эта статья пишется, то *продуктивное воображение* связывает множественный опыт, набрасывая на становление, предполагаемую возможность нового единства. Не то наивное и тождественное себе, с которого естественно и сподручно начинается размышление. Не единство отстраненного универсального (всеобщего) субъекта, уверено судящего о себе и других и ином, а единство удостоверенное, выстраданное субъектом, прошедшим сквозь опыт множественной, конфликтной и порой драматической погруженности в поток времени, становления иным между тем, что было и будет со мной, другим и иным.

Короткое личностное повествование, с которого я начала эту статью, как раз и выступило формой нарративного удостоверения моего опыта обоснования единства мира, который в отличие от классического универсума и неклассического множественного поливерсума можно назвать *транс-версумом*. Скрепами, нитями сопряжения трансверсума являются не *универсалии*, которые по ту сторону становящегося мира утверждают тождество мысли и бытия, и не *концепты*, привязанные к жизненным обстоятельствам погруженности действующего субъекта (наблюдателя) в становление (множественной различности) *поли-версума*, а то, что *между* ними, границами указанных предельных представлений, завязывается (сублимируется). *Трансверсалия* как минимум двойственна, (начало зарождения и исчисления сложности), она действует по типу включенного третьего (Nicolescu, 2010: 19–38), образуя подвижное отношение, связь, точнее соотношение, которое возникает как эффект непредсказуемого доопределения друг другом участвующих сторон в становящемся едином. На этом, понятно, цикл длящегося становления не заканчивается. Можно вспомнить, как некую аналогию, то, что было сказано И. Кантом в работе «Критика способности суждения». Он формулирует понятие *органического целого*, в котором части были возможны только в силу их отношения к целому и чтобы «части соединялись в единство целого благодаря тому, что они друг другу были причиной и действием своей формы» (Кант, 1966: 391, 399). В результате чего может возникнуть то, что имеет силу только субъективно для нас, оно не существует объективно для самих вещей — связь конечных причин в общей идее природы имеет характер *аналогии*. Конвариантная «ошибка» (по Н.В. Тимофееву-Ресовскому), в повторе идеи Канта, в этом тексте состоит в том, что эффект сопряжения разнокачественных и разнородных причин, действий и форм — это «поперечные стяжки» (термин заимствован из практики инженерии) образуют то, что можно назвать трансверсалиями («общие идеи», «органическое целое»), не предзаданы, а возникают спонтанно (эмерджентно). Они сами себе не равны, поскольку становятся и самоорганизуются и представляют собой не самождественные смысловые образования, а аналогии самих себя,

которые лишь в различии повторяются. Время вызывает сериацию смыслов того, о чем мы ведем речь — жизни, смерти, страдании, мышлении и т.д. Отследить этот процесс можно по следам (стежкам шитья), которые становящийся смысл оставил на поверхности опубликованных текстов.

Спешу ответить на прямой самим собой напрашивающийся вопрос читателя: «А что же такое трансверсалии?» Как ни странно, ответ представлен в вопросе косвенным образом, «пустым местом» — как не отвеченным в чистом виде. Вопросание «что это такое?» изымает у «этого» смысл — его «чтойность». Пред-полагает его отсутствие. Иначе бы и вопроса не было. Но вопроса не было бы и в другом случае, если бы в присутствии не осталось бы того, что читатель выпрашивает. В нашем случае предъявленного словом «трансверсалии» того, что только может возникнуть между уни-версумом (единством) и поли-версумом (множественностью единств). Вопрос «что такое?» стер смысл того, о чем шла речь, как уже ставшем, но оставил его *след*, как становящимся, двигаясь по этому пути можно выдвинуться к ответу именно на вопрос о смысле трансверсалий, а не смысле черных дыр в астрофизике или чего угодно иного. Вопрос обнаруживает отсутствие готового смысла (ответа), но остается *контекст*, интегрирующий предчувствие, интуицию, мысль, речь, текст в единство (енность) ответа, содержащего в себе взвешенность процесса сопряжения, стягивания, определяющего интенцию направления рассуждений. Остается фон, на котором смысл проступает в качестве истинного (полезного, контингентно договоренного, эффективного) в некотором выделенном *интервале* своих значений... Остается, как будет показано ниже, *транс-интервал*, который «сопрягает» поперечными стяжками (стежками) трансверсалий, выставляющих меру соотношений между выделенными значениями «чтойности» конкретного ответа, на чем собственно строится классическая идея интервального подхода (М.М. Новоселов, Ф.В. Лазарев, В.И. Кураев). Неслучайно, что для меня идея трансверсалий и трансверсума возникла именно в связи с процессом переосмысления философии интервального подхода применительно к проблемам биоэтики, биологии и медицины.

Типология интервального подхода. Интервальный подход (ИП) как методологическое, познавательное средство вырос из рассмотрения проблемы интервала абстракции. А сама «идея интервала абстракции — это идея философского осмысления онтологических и гносеологических предпосылок не универсальности (но не познавательной значимости) абстрактных моделей» (Новоселов, 2005:73), пишет М.М. Новоселов. В 60-е годы он, совместно с Ф.В. Лазаревым и В.И. Кураевым разрабатывал идеи ИП в отечественной методологической литературе.

По сути дела, в рамках ИП решался вопрос о «мере предметной истинности и границах применимости понятий и теорий» (Кураев, Лазарев, 1988:10). Дальнейшее развитие исследования интервального подхода привело к известной специализации в его рассмотрении. Выделилось сначала два вида его представлений: гносеологический (М.М. Новоселов) и онтологический (Ф.В. Лазарев), последний у его автора приобрел в дальнейшем более интеграционный вид — философско-антропологический (Лазарев, Литтл, 2001).

Для меня существенным в использовании ИП в его гносеологической версии, толкуемым М.М. Новоселовым как интервал абстракции, является то обстоятельство, что его нельзя определить точно. Он всегда остается «контролируемо неточным», что случается с некоторыми понятиями и в математических науках. Эта контролируемая недоопределенность проистекает из возможности двойного определения абстракции. А именно, само понятие абстракции разворачивается в некоторых границах, в интервале между «чистым отвлечением» в обобщении (Аристотель) и сохранным видением в целом того, «от чего отвлекаются» (Кант). Определенность в толковании понятия абстрактности может быть достигнута явным принятием одного из указанных пределов. Другая составляющая интервала уходит в фон, или, если воспользоваться образом Ф.В. Лазарева, становится «гносеологической тенью» (но от этого она, конечно, не перестает быть). В прелюдии я предложила еще имя следа. В каких-то конкретных случаях эта «тень» может считаться избыточной, чрезмерно усложняющей ситуацию, и от нее отвлекаются.

Способность иметь две различные точки зрения в одно и то же время на один «предмет», как, например, в случае с определением абстракции, можно назвать способностью к «стереоскопическому видению» (У. Биделл Стэффорд). Способность, ведущая к постижению сложности. Это близко к способности видеть в едином многое, а в различном подобное. Или, как пишет П. Рикер, осознание конфликта между прежней несогласованностью и новым согласованием является прозрением подобного. «Удаленность» сохраняется в рамках «близости». Видеть *подобное* — значит, видеть одинаковое, несмотря на различие (Рикер, 1990: 422). В свою очередь Н. Луман отмечает, что «различение требует внимания. Само различение должно обуславливать операцию вот эту и никакую иную. ... Единство (операции) и различие (схемы наблюдения) должны актуализироваться «единым махом» (Луман, 2006:17), в этой конкретной ситуации «здесь и сейчас».

Фокусировка на различение, как в нашем случае, в способах возникновения абстрактного понятия, или, скажем, на «референтное расщепление: неоднозначность в референции» (Р. Якобсон) в случае метафориче-

ского взаимодействия буквального и иного смысла, ведет к принятию «интервальной ситуации». Она обладает структурой интервала. А именно условно выделенными границами-оппозициями, между которыми возникает напряжение порождения нового смысла, не сводящегося полностью ни к одному из выделенных пределов. Все это приводит к тому, по словам М.М. Новоселова, что «мы не можем говорить об «интервальной реальности» как упорядоченной структуре в математическом смысле термина «порядок». Если же мы хотим сохранить термин «структура», то с большой вероятностью следует ожидать структуру с «испорченным порядком». Пользоваться для ее характеристики такими понятиями, как «иерархичность», симметрия» и пр. следует с большой осторожностью. Интервальная структура, вообще говоря, не моделируется кристаллической решеткой, хотя в локальной области порядок, конечно, возможен. Таким образом, отправляясь от чисто логической (а не физической) точки зрения, интервальный подход *mutatis mutandis* оказывается в общем круге идей, провозглашенных синергетикой» (Новоселов, 2005:15). И прежде всего в ее ориентации на отслеживание процессов становления порядка в ситуациях неопределенности. По большому счету можно сказать, что и сама синергетика как исследовательская научная программа в целом разворачивается между двумя условно выделенными пределами, между «бытием в становлении» и «становлением бытия».

Если оценивать ИП как устанавливающую-фиксирующую процедуру, как исчисление всякой теории действительного, как некоторую «шкалу мер», то, в первую очередь, надо иметь в виду ее неустойчивый самонастраивающийся характер, ориентированный на конкретные обстоятельства неопределенной ситуации, но в которой надо принимать решение. Вопрос об ИП как о «мере предметной истинности и границах применимости понятий и теорий» не является однозначным, поскольку сами границы являются лишь условно закрытыми. Если быть точнее, то они в принципе открыты. «Порядок», который устанавливает ИП в неопределенной ситуации, зависит от внешнего окружения. И в этом состоит расширение толкования понимания ИП, предлагаемого М.М. Новоселовым и Ф.В. Лазаревым. По преимуществу основное внимание ими было уделено тем случаям, когда разведенность пределов ИП, среда «между» ними «свертывается» в границу как таковую, которая не признает по-граничного окружения. Именно, в этих случаях Хайдеггер говорил об исчислении, которое «опредмечивает действительное». «Все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результата из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметов посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или иная системно-серийная взаимосвязь» (Хай-

деггер, 1993:252). Существенным в ИП, с нашей точки зрения, является качественное «измерение степени» выраженности «ускользающей предметности» (Киященко, 2000) в условно принятых пределах.

Рассмотрение ИП в онтологической версии (Ф.В. Лазарев) позволяет сделать следующий шаг в его содержательном наполнении и дополнить гносеологическую мерность ИП онтологической. Этот шаг представляется правомерным, если онтологическое построение рассматривать в опосредованной зависимости от гносеологического инструментария, а последний считать небезразличным к особенностям моделируемой реальности. Существует необходимая зависимость между представлением о бытии и способе его познания. Но степень определенности представления о бытии неустойчива, если познание разворачивается в интервале между познанием бытия в становлении и становлением бытия. «Мера» степени определенности онтологического представления зависит от степени приближения к одному из составляющих рассматриваемого интервала. Степень определенности стабильного бытия, равного самому себе по форме и по сути, при возможном его изменении, превосходит степень определенности становления бытия, как нарождающейся его формы с соответствующим ему иным смысловым содержанием. Полнота и целостность представления о бытии в доопределении друг друга условно выделенных пределов интервала — бытия в становлении и становления бытия. Кардинальность выделенного интервала состоит в том, что бытие в становлении можно познавать из внешней позиции наблюдающего, объективно, но становление бытия можно наблюдать только изнутри самой ситуации становления, настраивая соответствующий инструментарий познания по всему спектру возможных отношений познающего с окружающим миром и с самим собой. Радикализация ИП в онтологической версии дает возможность рассматривать «в единстве, но неслиянно» две позиции познающего: объективистскую классического научного познания и субъективную объективность неклассического научного знания. В этом главная дилемма современного научного познания, переживающего кризис становления новых методов и форм, ориентированных не только на преданные *всеобщие* универсальные истины, но и учитывающие *общезначимые* ценности, возникающие при решении конкретных жизненно-актуальных проблем.

Философско-антропологическая версия ИП, являясь прямым следствием взаимодействия двух предшествующих его версий — гносеологической и онтологической, образует органическую целостность познания живого и живого познания, саморазвивающуюся систему отношений между архитектурой внутреннего обустройства интервальной ситуации и внешним влиянием на нее.

Фундаментальной чертой бытия человека, пишет Ф.В. Лазарев, является то, что он — по своей природе — нигде не закреплен намертво ни с одним из конкретных контекстов, интервалов. У него существует принципиальная возможность перехода от одного измерения к другому. Все зависит от того, который из них в данный момент ценностно *или* сенсорно актуализирован, Человек с точки зрения интервального подхода образует сложно иерархизированную «голографическую модель», в которой каждый интервал рассмотрения претендует на свою, хотя и ограниченную, но «законченную в себе истину о человеке. Отдельные «образы человека» не исключают, а дополняют друг друга, *если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одного образа к другому*» (Лазарев, Литтл, 2001: 35-36).

«Активизм познания умиряется мерой осознания возможности ошибок в очевидности принятых допущений относительно начала и цели исследования. В таком рассмотрении бросается в глаза заметная переключка в предложенном понимании ИП с отмеченным еще древнегреческой мыслью, что «противоположности суть начала существующего» (Аристотель:986b).

По мнению М. Элиаде, двоичное членение природы и общества является универсальной чертой человеческого мышления и проявляется в таких характеристиках, как полярность, антагонизм и дополнительность. Для Элиаде «код полярности» приобретает, с одной стороны, значение способа «прочтения» природы и человеческого существования, с другой — универсального системообразующего принципа, охватывающего все многообразие бинарных и дуалистических представлений (Элиаде, 1987).

Такое рассмотрение делает ИП многомерным и нелинейным, поскольку каждый ИП, предлагая свой инвариант решения интервальной ситуации, может образовать одновременно и/или последовательно еще ни одну оппозиционную пару.

Допущение амбивалентности мысленного оценивания познаваемой ситуации означает шаги в сторону целостного ее видения. Поиски «золотой пропорции» целостного видения в структуре ИП окрашены человеческим выбором, в связи с необходимостью принять решение в конкретной ситуации, несмотря на ее недоопределенность. Можно согласиться с мнением, что знание само по себе не представляет ценности, если не сопряжено с выбором, то есть принятием решения, и последующим действием — применением, которое снимает амбивалентность.

Можно сказать, что ИП — в его антропологической версии, построенной на онто-гносеологическом взаимодействии, типичный пример постнеклассики — современной версии классической методологии и философии науки (Киященко, Моисеев, 2010: 27-36).

История становления биоэтики с точки зрения интервального подхода.

История биоэтики, насчитывающая немногим более полувека, является наглядным примером воплощения действия интервального подхода применительно к онто-гносеологическим аспектам мышления, находящимся в стадии становления, представляя собой яркий пример формирования и действия идеи трансверсума. Биоэтика дает конкретный материал для такой интерпретации интервального подхода.

Статус биоэтики, как все более становится очевидным, оформляется на пересечении как минимум двух составляющих: академической дисциплины, продолжающей традиции фундаментальных исследований в области теоретической биологии и медицины, и социального института, *взявшего на себя ответственность* за ее приложения. «В основе биоэтики лежат представления о недостаточности одностороннего медицинского истолкования телесного благополучия как цели врачевания, о насущной необходимости междисциплинарного диалога медиков с представителями широкого круга гуманитарных наук, как и диалога с пациентами и представителями общественности. Только посредством такого диалога может быть адекватно выражена и понята многоплановая природа человеческого страдания и уже на этом основании выработано современное понимание идеи блага и как цели врачевания для отдельного индивида, и как цели общественного здравоохранения в целом» (Биоэтика, 2005: 46).

Биоэтика — это среда взаимоотношения между внутренним и внешним — между нормами научного исследования и общечеловеческими ценностями. Каждое из них, в свою очередь, может двоиться, показывая свою однозначно нередуцируемую сложность интервальной ситуации. Она представлена в известных казусах биоэтики, которые поднимают проблемы, что есть начало и конец жизни, эвтаназии, соотношения естественного и искусственного, нормы и патологии, неотменяемость универсальных ценностей культуры и житейская мудрость проживания конкретной ситуации каждым из нас в отдельности и т.п. Каждая из этих проблем использует, с одной стороны, аналитическое познавательное средство — интервальный подход, который может стать темой аналитической антропологии. С другой стороны, в свою очередь, необходимо дополняется экзистенциально-феноменологической интерпретацией — философской антропологией. Однако особенность биоэтических проблем зачастую решается в ситуации дефицита времени на поиск оптимального решения, в желании уменьшить степени риска. Подобные ситуации традиционно описываются как «пограничные», кризисные, которые затрудняют анализ противоречивых мнений и суждений, позиция нейтралитета, объективизма, дается с трудом, если вообще дается.

Интервальный подход как аналитический конструкт необходимо приобретает экзистенциальное измерение и разворачивается в топологию Пути каждого, кто втянут в биоэтическую ситуацию. Сложная структура биоэтических казусов, возникающих в интервале ответственности (перед научным сообществом, дисциплинарным знанием, обществом, универсалиями культуры) и свободы (в праве выбора своего личного решения данной конкретной ситуации) может быть представлена в таких измерениях становления человеческого в познающем человеке: позиция — событие — поступок.

Поступок, который через позицию и события ведет по Пути, где «за пределами всякого образа и всякого логоса, невозможно, кажется, опереться ни на усвоенный *образ* мира, ни на усвоенный *образ* мысли. Оба образа тут как раз должны быть оставлены, они уже не могут служить *опорами*, разве что *путями*, причем путями выхода за собственные пределы» (Ахутин, 2005: 302) к тому, что их объединяет — стремление к обретению того, что еще не усвоено, а только предугадывается в той или иной мере.

Тема меры. Введение темы меры изначально предположено или ожидается там, где решена или решается задача определения, наведения порядка. «Мера есть «означение» или «определение», необходимо присущее всякому проявлению, в каком бы порядке или модусе оно ни совершалось» (Р. Генон). Мера ведет к нормированию через свое раздвоение. Так, обозначенный в соответствующей мере порядок, предполагает одним из своих условий и то, что лежит за границей порядка, за пределами его определения (о-пределами). Но это «за-границное» (контекстное, фоновое) положение, не безразлично смыслообразованию такого толкования меры. Сказанным можно определить меру и как дескрипцию, описание многообразия условий ее существования, органически включающих, по природе определяемого, границу (интервал) сопряжения (точно, пространственно или процессуально) того, что «слитно, но не смешано» (Экхарт) ее образуют.

Универсальная конкретность концепта меры в биомедицине и этике. Примечательно отметить, что в эпоху античности в основании этических концепций, и в основании медицинских дескриптивных научных описаний различных форм патологии и здоровья лежало представление о мере. По Гиппократу темперамент человека, определявший предрасположенность к различным заболеваниям и предполагавшим особенности лечения, зависел от меры во взаимоотношениях четырех физиологических жидкостей (крови, желчи, черной желчи и слизи). В современной медицине античные идеи меры и гармонии находят выражение

в различных формах арт-терапии. В свою очередь в этической теории Аристотеля добродетель рассматривалась как середина, мера между крайностями избытка и недостатка (например, мужество — середина между безрассудной храбростью и трусостью, щедрость — между мотовством и скупостью и т.д.) В биоэтике аристотелевская теория добродетелей получила современное плодотворное истолкование в работах Э. Пеллегрини и Д. Томасма (Pellegrino, Thomasma: 1981).

Трансинтервальное толкование меры. Следующим шагом в таком представлении меры может быть ее толкование как трансинтервала (в этом отношении, как можно надеяться, происходит трансформация концепции интервального подхода в ее изначальной версии М.М. Новоселова, Ф.В. Лазарева), как среды рекурсивного циркулирования между условно выделенными оппозициями (о-пределами) не только эпистемического, но и онтологического планов. Тем самым бинарный архетип интервального различения получает дополнительное измерение, через сетевое, нелинейное сопряжение различных уровней рассмотрения с неповторимым, но узнаваемым рисунком, по типу включенного третьего (о чем уже шла речь выше). На первый план выходит новый критерий объективности, опирающийся на субъектные обобщения, например, схемы-образы подвижных сопряжений симметрии и асимметрии в природной и социогуманитарной сферах знаний и практик. А так же инвариантности (нормированного гомеостаза) идеи здоровой жизни и идеи потока жизни чистого становления (вариативности) в стиле А. Бергсона или Ж. Делеза. Сопряжение инвариантности и вариативности формирует динамический хронотоп врачебного действия (Киященко, 2010: 14-16). Причем сами образы научного знания рассматриваются существенно антитетически, включая в себя а) синхронно-диахронные изменения субъектно-объектных отношений; и б) становящиеся изменения различных интервалов: апостериорности и априорности, конкретности и универсальности, практического и теоретического, истинного и полезного и т.д.

Различие и повторение — основополагающий интервал трансверсальной меры. Возникает особое пространство, топология философствования, обживание которого путем примеривания к уникальным особенностям человеческих ситуаций, зависит от умения в описании представить его в целом, включая «неровности» и «разломы сопротивления», «скачки через границы устоявшегося, нормированного». Необходимо также прописать свою неустойчивую точку сопряжения с этими обстоятельствами, точку сохранения равновесия (нормированной идентичности) в потоке становления различных форм ее выражения (описания).

Присвоение необжитого, его динамика зависит от способности связать личностные притязания к желаемому (нормированному) с возможностями возникающих перемен, выбрать свою перспективу различения и сопряжения в единстве множественности единств, представленных в мире и в самом себе.

Динамический и самонастраивающийся трансинтервал меры дает возможность описать основание единства множественности единств трансдисциплинарного опыта, давая тем самым форму (меру) для его выражения. Данная формулировка (единство множественности единств) является кардинальной для понимания сути философии трансдисциплинарности. Основанием нового понимания единства оказывается не объективность и всеобщность полубожественного субъекта классической науки, а личностно мотивированный ответственный поступок субъекта, включенного в проведение трансдисциплинарного опыта. Он дает возможность участному субъекту мыслить в ситуациях перманентного кризиса и неустойчивости, с которыми современный человек сталкивается в своем опыте «бытия в становлении и становления в бытии» (Ж. Делез), выстраивая тем самым ответственные отношения с миром и самим собой, ориентированные на подвижные образы устойчивости.

Ситуация самонастраивающейся меры трансверсума вновь делает актуальным проблему индивидуального, личностного решения, возникающую в области (точке, поверхности или объёме) пересечения универсального (всеобщего) и единичного (особенного). «Каждый человек — конечная, но и развивающаяся субстанция. Но развивающаяся двувекторно: в топике припоминания, но и в утопическом предвидении, в мечте о завтрашнем дне. Это и есть модус личного существования — при сохранности своей неизбывной константности, но и всенепременной изменчивости» (Рабинович, 2008: 316-320). Повторение ситуации в таких случаях предопределяет неповторимость, с отклонением, что обуславливает уникальность ее разрешения, поскольку повторение замечается только в неповторимом повороте, казалось бы, знакомых обстоятельствах. Динамика хронотопа подобных событий имеет свой повторимо-неповторимый язык, возникающий как экспромт, близкий к описанию через косвенные контекстуальные указания-приметы, а не к утвердительной безапелляционности однозначных утверждений, моделирующих нормативный характер желательных (оптимальных) состояний объекта. Возникает трансинтервал нормативного предписания и дескриптивного описания ожидаемого развития событий, перед которым в свой черед встает задача их сопряжения. Задача может быть решена через ситуационное введение (эммерджентное появление)

порядка в неустойчивости и становлении, основой которого случается аттестация причастного субъекта и доверие к нему других акторов, возникшее контингентное согласие. Тем самым исполняется перманентная нужда в примеривании безмерного, и, в том же акте и в то же время ставится под вопрос ранее введенные меры (сопряжения нормативного и дескриптивного), а возникающие ответы помечают пульсацию меры порядка в становлении и становления в порядке трансверсума.

Литература:

1. Аристотель. Метафизика, 986b.
2. Ахутин А.В. Трансдукция // Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. – С. 302.
3. Биоэтика. Вопросы и ответы. М., Прогресс-Традиция М. – 2005.
4. Р. Генон. Царство количества и знаменания времени. <https://refdb.ru/look/2428253.html> (дата обращения 07.01.2017)
5. Кант И. Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1966 – Т. 5. – С. 391, 399.
6. Киященко Л.П. Динамическая структура локализации врачебного действия: между инвариантностью и вариативностью // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 4: Фундаментальное и прикладное. М.: Принтберри, 2010. – С. 14-16.
7. Киященко Л.П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения)// Философия науки. Вып. 18: Философия науки в мире сложности //Отв. ред.: В.И. Аршинов, Я.И. Свирский. М.: ИФ РАН, 2013. – С. 278-192.
8. Киященко Л.П. В поисках ускользающей предметности. (Очерки о синергетике языка). М.: ИФРАН, 2000.
9. Киященко Л.П. Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – М., ИФРАН, 2009. – 205 с.
10. Киященко Л.П. Моисеев В.И. Интервальный подход в трансдисциплинарном измерении (онто-гносеологический аспект) // Академия знаний. – Симферополь, 2010. – № 3 – С. 27-36.
11. Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., Наука, 1988.
12. Лазарев Ф.В., Литтл Б. А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь, 2001. – 264 с.
13. Луман Н. Дифференция. Логос, 2006.
14. Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). М.: Идея-Пресс.- 2005. – С. 73.
15. Рабинович В.Л. Культура как творчество//Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том I: Теория культуры / отв. ред. Дм. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 316-320.
16. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. – С. 422.
17. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытие. М., 1993. – С. 252.
18. Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. – С. 312.
19. Nicolescu Basarab Methodology of Transdisciplinarity – Levels of Reality, Logic of the included Middle and Complexity// Transdisciplinary Journal of Engineering & Science Vol: 1, No:1 (December, 2010), pp.19-38.

20. Pellegrino E and Thomasma D. A Philosophical Basis of Medical Practice. Towards a philosophy and ethic of the healing professions. New York, Oxford, 1981.

Лариса Кіященко. Ідея трансверсума – простір генерації смислу в трансдисциплінарному досвіді

У статті зроблена спроба через розгляд трансдисциплінарного досвіду, орієнтованого рекурсивною рефлексією, представити ідею трансверсума через концептуальний ряд: універсума, поліверсума, трансверсума, трансверсалії, трансінтервала. В цьому аспекті пропонується типологія інтервального підходу як засобу постановки і вирішення проблем, пов'язаних з ситуацією самоналаштування міри трансверсума, універсальної конкретності концепту міри в біомедицині та етиці. Пропонується версія тлумачення історії становлення біоетики з точки зору трансінтервального підходу.

Ключові слова: *трансдисциплінарний досвід, трансверсум, трансінтервал, становлення смислу, рекурсивна рефлексія, біоетика, філософія біології і медицини.*

Larisa Kiyashchenko. Idea of Transversum as Generation of Meaning Space in Transdisciplinary Experience

In article the author made an attempt to present the idea of a transversum through a conceptual row: universum, poliversum, transversuma, transinterval transversaliya through consideration of the transdisciplinary experience oriented by a recursive reflection. In this aspect the typology of interval approach as means of statement and the solution of the problems connected with a situation of the self-adjusted measure of a transversum, universal concreteness of a concept of a measure in biomedicine and ethics is offered. The version of interpretation of history of formation of bioethics from the point of view of transinterval approach is offered.

Keywords: *transdisciplinary experience, transversum, transinterval, formation of sense, recursive reflection, bioethics, philosophy of biology and medicine.*

Кіященко Лариса Павловна – доктор філософських наук, ведучий научний співробітник Інститута філософії РАН сектора міждисциплінарних досліджень науково-технічного розвитку.

E-mail: larisakiyashchenko@gmail.com

Kiyashchenko Larisa Pavlovna is Doctor of Philosophy, the leading researcher of Institute of philosophy of RAS of sector of cross-disciplinary researches of scientific and technical development